

Постанархизм с марксистской перспективы

Саймон Чоат

15.04.2020

Оглавление

Введение	4
Место марксизма в постнархизме	6
Постструктурализм и марксизм	11
Власть и субъективность в марксизме	15
Выводы	19

Краткое содержание: Постанархисты были склонны изображать марксизм как анахронизм, принимая предполагаемое излишество марксизма в качестве отправной точки для их возрождения классического анархизма через постструктурализм. Критические оценки постанархизма до сих пор не исследовали это описание марксизма. Я утверждаю, что это неудачно, потому что марксизм играет важную функцию в рамках постанархистского проекта, и потому что это позволяет постанархистским характеристикам марксизма и постструктурализма оставаться неоспариваемыми. Первая часть этой статьи очерчивает роль марксизма в постанархизме, прежде чем исследовать связи между марксизмом и постструктурализмом: я утверждаю, что работа Маркса предвосхищает постструктурлистские концепции власти и субъективности. Цель статьи - не предложить марксистскую критику постанархизма, а установить равную значимость как марксизма, так и анархизма в современной политической практике.

Введение

Постанархистская попытка оживить классический анархизм путём перечитывания его сквозь линзу постструктурализма не осталась неоспариваемой. Критики подняли вопросы, касающиеся как уместности постанархизма к анархической мысли, так и точности постанархистских прочтений классического анархизма — вопросы, в свою очередь поднимающие более широкие вопросы о влиянии постструктурализма, направлении и значении современного анархизма и отношениями между теориями и практикой. Однако один элемент, оставшийся неоспоримым — место марксизма в анархизме. Может быть, это можно понять: ожидаемо, что не все будут приветствовать марксистский взгляд на постанархизм; на деле, это, возможно, последнее, чего хотят некоторые анархисты. Когда марксисты вмешивались в дебаты об анархизме, они часто принимали снисходительный и насмешливый тон, использованный самим Марксом в разборках с Бакуниным, Прудоном и др.: анархизм был высмеян марксистами как наивное, утопическое кредо, не понимающее нынешние условия и вынужденное прибегать к грубому волюнтаризму в качестве своего базиса для политических действий. Однако я не желаю продолжать это покровительственное отвержение анархизма в освещении постанархизма: напротив, моя претензия в том, что постанархисты слишком быстро отвергли марксизм.

Отсутствие внимания к роли марксизма в постанархизме беспокоит по крайней мере по двум причинам. Во-первых, оно стирает степень того, насколько — как я утверждаю ниже — антагонизм по отношению к марксизму является ключевым компонентом постанархистского проекта. Таким образом, марксизм не представляется здесь как чужеродная перспектива, с помощью которой можно измерить постанархизм, а выявляется как значимая, но недостаточно обсуждаемая часть самого постанархизма. Во-вторых, некритическое принятие постанархистских оценок марксизма скрывает тот факт, что марксизму ещё есть что предложить: марксизм, я утверждаю, несправедливо представлен постанархизмом. Этот вызов постанархистскому пониманию марксизма не следует путать с марксистской критикой постанархизма. В постанархизме есть что уважать, и его попытка связать современную постструктурристскую теорию с радикальными течениями мысли девятнадцатого века достойна восхищения: проблема в том, что постанархистская переоценка классического анархизма происходит за счёт марксизма. Моя цель не в том, чтобы продлить или воскресить спор между анархистами и марксистами, который уже растягивается на три века, но, скорее, в том, чтобы заявить о важности *как анархизма, так и марксизма* в современной политической мысли и практике. Это, следовательно, марксистское взаимодействие с течением анархизма, предлагаемое в духе примирения, а не отвержения. То, что следует, не предназначено быть исчерпывающим анализом отношений между постанархизмом и марксизмом: оно намеревается открыть область исследования, до настоящего времени казавшуюся закрытой, и,

таким образом, предлагается скорее в качестве предварительного исследования, а не последнего слова. Опираясь на собственную постанархистскую характеристизацию постструктурализма как теории, переосмысливающей власть и субъективность, я пересмотрю эти концепции в том виде, в каком они фигурируют в работе Маркса, оспаривая отказ постанархизма от марксизма и его прочтение постструктурализма. Я начну, однако, с изучения места марксизма в постанархизме, выделив три ключевые функции, которые критика марксизма выполняет для постанархизма.

Место марксизма в постанархизме

Хотя число писателей и активистов, идентифицирующих себя как постанархистов, довольно мало, это течение мысли удивительно разнообразно. Основные координаты достаточно ясны: «центральная претензия постанархизма заключается в том, что классическая анархистская философия должна учитывать новые теоретические направления и культурные явления, в частности, постмодерн и постструктурализм» (Newman, 2008: 101). По мнению постанархистов, постструктурализм можно понимать как радикализацию классического анархизма — что означает, что постструктурализм входит в традицию классического анархизма и что постструктурализм может служить в качестве средства устранения недостатков и недочётов классического анархизма, не предавая его дух и цели. Но это ставит два очевидных вопроса: что имеется в виду под «пост-структурализмом» и что имеется в виду под «классическим анархизмом»? Немаловажно то, что все ведущие представители этого проекта дают ему разные названия: Сол Ньюман говорит о постанархизме, Тодд Мэй — о постструктуралистском анархизме, а Льюис Колл — о постмодернистском анархизме. Эти различные ярлыки частично отражают разногласия по поводу того, кого можно назвать «пост-структуралистом». Возьмём лишь один пример: Жак Лакан играет важную роль в постанархизме Ньюмана, но он не обсуждается ни Мэем, ни Коллом. Похожие проблемы обнаруживаются в попытках дать определение «классическому анархизму», который сам по себе является уклончивой категорией. Кем были классические анархисты и во что они верили? По мнению Ньюмана (2005: 3), Макс Штирнер — некоторого рода «прото-постструктуралист», в то время как Колл и Мэй едва упоминают Штирнера.

Эти разногласия по поводу определений и личностей, конечно, не специфичны для постанархизма: трудно провести границы любых интеллектуальных движений, но в особенности таких гибких, как постструктурализм и классический анархизм — с такими трудностями столкнётся каждый, будь он постанархистом или нет. *[Заметка 1: Невзирая на эти трудности, ради согласованности и ясности в этом эссе я буду упоминать «постструктурализм» и «постанархизм»].* В свою очередь, эта гибкость не является недостатком ни постструктурализма, ни классического анархизма: одна из наиболее сильных сторон обоих течений мысли — их разнообразие и глубина. Я также не имею в виду, что постанархистский проект изначально непоследователен или что постанархисты не могут адекватно дать определение своим терминам: в целом они все аккуратно объясняют, что они имеют в виду под постструктурализмом и классическим анархизмом, и сами привлекают внимание к трудностям, изложенным мной. Всё, что я хочу здесь сказать — то, что сложно дать определение движению по отношению к таким неясным течениям, как постструктурализм и классический анархизм — или, по крайней мере, сложно дать определение только по отношению к ним. Сказать, что постанархизм — это (к примеру) классический анархизм, от-

фильтрованный через постструктурализм, на самом деле не говорит нам многое о том, что значит быть постанархистом. Конечно, это недостающее содержимое конкретизируется в подробных исследованиях, предпринятых постанархистами — но эти подробные исследования различаются между постанархистами. Если мы хотим приписать какое-либо единство постанархизму, то мы должны обратить внимание на другие факторы — одним из которых, я утверждаю, является общий антагонизм по отношению к марксизму.

Таким образом, это первая функция марксизма в постанархизме из трёх ролей, которые я выявлю: он помогает обеспечить согласованность постанархистского проекта. Хотя они могут опираться на разных мыслителей и стремиться объединить анархизм и постструктурализм в разных формах, постанархисты едины в своем отвержении марксизма. Можно даже сказать, что именно (предполагаемый) провал марксизма является главной мотивацией всего постанархистского проекта. Марксизм, как утверждается, находится в окончательном упадке: проблемы эксплуатации и угнетения, которые марксизм стремился адресовать, однако, не исчезли (скорее, даже усилились). Следовательно, согласно постанархизму, существует необходимость вновь открыть и развить альтернативные пути для радикальной мысли и практики. Проблема марксизма, согласно постанархизму, заключается не столько в том, что он больше не в состоянии предоставить соответствующие критические ресурсы, но в том, что он никогда не мог этого сделать: дело не в том, что марксизм устарел или где-то ошибся, но в том, что с самого начала марксизм шёл по неверному пути. По словам Мэя, марксизм — «стратегическая», а не «тактическая» философия: его анализ сосредотачивается на центральной проблематике и направлен на однажды единственную цель. Для марксизма «есть единственный враг: капитализм.» (May, 1994: 26). Как и все стратегические философии, марксизм упрощён: есть один источник угнетения (капитализм), только одна теория, которая может точно понять это угнетение (марксизм), и только один возможный агент борьбы (пролетариат, направляемый авангардной партией). Тактические философии, напротив, признают, что не существует единого места угнетения, и что сопротивление должно принимать форму специфических, локальных анализов и вмешательств. Постанархисты утверждают, что марксизм, таким образом, упрощён в двух смыслах: он уменьшает объем политического анализа, сосредоточиваясь только на капиталистических экономических отношениях, и сводит политику к экономике, фактически полностью стирая политику. В терминах, которые Мэй заимствует у Жака Рансьера, марксизм является формой «метаполитики»: настоящая правда политики заключается в экономических отношениях, и политические институты и идеологии просто скрывают эту истину (May, 2008: 44–5).

Таким образом, это первая функция марксизма в постанархизме. Постанархисты утверждают, что классический анархизм в некоторой степени разделяет эти проблемы с марксизмом, хотя и по-другому: между тем как редукционизм марксизма проявляется как стремление истолковать все с точки зрения экономических отношений, анархизм выполняет этатистскую, а не экономическую редукцию, имея тенденцию впадать в анализ, который сосредоточивается на государстве как главном локусе власти. Но в анархизме эта тенденция не согласовывается с другой тенденцией: анархизм колеблется между стратегическим и тактическим мышлением. Несмотря

на то, что он фокусируется на государстве, классический анархизм признает, что есть много других мест власти, и выступает за разнообразную и специфическую мелко-масштабную борьбу против власти везде, где она проявляется. Эта амбивалентность отмечает преимущество классического анархизма над марксизмом: несмотря на свои недостатки, классический анархизм продвинул анализ власти, сделав его более подходящим путем для современной политики, чем марксизм. Это приводит нас ко второй роли марксизма в постанархизме, которую мы можем выявить: отвержение марксизма предлагает связь с классическим анархизмом.

Как мы уже видели, классический анархизм сам по себе является разнообразным и гибким течением мысли: во многих отношениях его легче определить, ссылаясь на то, чему он противостоит, а не на то, за что он выступает. Ньюман (2005: 33), например, предполагает, что анархистов объединяет «фундаментальная критика и отвержение политической власти во всех её формах». Это отказ от политической власти и представительства (особенно, но не исключительно в форме государства), а не какая-либо позитивная политическая программа с изложением альтернативного видения общества, что, возможно, является ключевой характеристикой классической анархистской мысли. Это не означает, что анархисты не задумывались о том, как должно быть организовано безгосударственное общество: напротив, они предложили невероятно разнообразный диапазон представлений о том, как могут быть организованы безгосударственные общества. Но если мы ищем то, что *объединяет* классических анархистов, именно само разнообразие этих представлений делает их плохими кандидатами. Нить, связывающая анархистов, — не единая политическая программа, а общая оппозиция по отношению к политической власти. [Заметка 2: *Многие анархисты определяли себя такими терминами. Подумайте об ответе Прудона на вопрос «Что вы поставите вместо государства?»: «Ничего» (Proudhon cited in Rocker, 1937)*]. Классический анархизм можно определить не только с точки зрения оппозиции власти, но также с точки зрения оппозиции другим политическим идеологиям, в частности, марксизму. Можно даже сказать, что анархисты — это анархисты, потому что они не марксисты. Это не значит принизить оригинальность анархистской мысли — внушить, что она навсегда останется лишь тусклой тенью марксизма, определённой лишь с его точки зрения — но лишь подчеркнуть тот факт, что один из способов изолировать идентичность анархистской мысли — это отличить её от марксизма. Есть много общего между марксистами и анархистами в борьбе за безгосударственное общество, свободное от экономической эксплуатации и политического угнетения, и исторически большинство анархистов были коммунистами (с очевидными и важными исключениями, такими как Штирнер). Но анархисты дистанцировались от организационных и революционных стратегий марксизма: для классического анархизма Маркс является одним из тех «доктринерских революционеров», определенных Бакуниным (1990: 137), «цель которых — свергнуть существующие правительства и режимы, чтобы создать свои собственные диктатуры на их руинах». Классические анархисты утверждали, что марксистский экономический редукционизм опасен по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, из-за того, что он утверждает, что государство — это всего лишь отражение экономических отношений, он не признаёт, что государство само по себе является источником власти, и поэтому даже так называемое «рабочее государство»

будет репрессивным. Во-вторых, выявление экономической сферы как ключевого места угнетения способствует появлению авангардной партии, удаленной от угнетенных масс, — точка зрения, хорошо изложенная Мэем в некоторых критических комментариях о марксизме: «Если фундаментальное место угнетения лежит в экономике, то, возможно, брать на себя задачу руководства революцией приходится экспертам по экономическому анализу» (May, 2008: 80).

Эти претензии классических анархистов к марксизму предвосхищают те, что были сформулированы постанархистами, которые, в свою очередь, выявили сильные стороны классического анархизма в явную противоположность марксизму. В то время как марксизм якобы является экономически редукционистским, рассматривая всю власть как просто выражение классового господства, постанархисты утверждают, что классический анархизм правильно понимал, что власть должна анализироваться сама по себе: не сводимая к работе экономики, властные отношения существуют по всему обществу и должны быть анализированы в своей специфичности, не ссылаясь на единую модель господства. В то время как марксизм (как утверждается) отдает предпочтение определенным политическим акторам — идентифицируя промышленный рабочий класс как единственно возможный инструмент политических преобразований, поскольку он занимает уникальное место в единственном виде властных отношений, действительно имеющих значение в марксизме, а именно, отношении эксплуатации между трудом и капиталом — классический анархизм, напротив, не ограничивает революционный потенциал одним классом, а поддерживает агентов, отброшенных Марксом, таких как крестьянство и *люмпенпролетариат*. Если марксизм отдает предпочтение не только определенному революционному актору, но и определенному пути к революции, поддерживая авторитарную партию и предлагая диктатуру пролетариата, классический анархизм, с другой стороны, неизменно выступает против всех форм государства и всех иерархий, в том числе и партии. Следовательно, постанархистское отношение к марксизму в значительной степени воспроизводит стандартную анархистскую критику марксизма, сосредоточенную на его якобы упрощающем анализе политической ситуации и его авторитарных организационных структурах. Отказ от марксизма крепко помещает постанархизм в анархистскую традицию.

Там, где постанархизм выходит за рамки этой стандартной критики, он черпает свое оружие из постструктурализма, что подводит нас к третьей роли, которую марксизм играет в постанархизме: он обеспечивает одну точку взаимодействия с постструктурализмом. Постанархисты видят в постструктурализме модель собственного антимарксизма. Постанархизм распознаёт две ключевые характеристики постструктурализма. Первая — антигуманизм: вместо того, чтобы воспринимать человеческий субъект как данность, он раскрывает текстовые и материальные практики, которые конституируют субъект. Как говорит Мэй (1994: 75): «Если бы постструктуралистская политическая мысль могла быть обобщена в единственной установке, то она была бы такой: если радикальная политическая теория хочет чего-то добиться, то она должна отказаться от гуманизма во всех его формах». Во-вторых, утверждается, что постструктурализм переосмысливает концепцию и анализ власти: цель больше не состоит в том, чтобы закладывать легитимные пределы власти, устанавливая границы между индивидом и государством, а в том, чтобы продемонстрировать,

что власть сосуществует с социальными отношениями, действуя не просто для подавления ранее существовавшего субъекта, но также и, что более фундаментально, для конституирования субъектов в первую очередь. Власть и субъективность, таким образом, тесно связаны внутри постструктуралристской мысли. Это противопоставляется постанархистами с марксистской мыслью, где власть и субъективность также связаны, но совсем по-другому: вместо производительной власти, конституирующей субъективность, марксизм задумывает репрессивную власть, ограничивающую нашу сущностную природу как человеческих субъектов.

Этот взгляд на власть и субъективность, утверждают постанархисты, не уникален для марксизма: его разделяют многие философии, развившиеся из эпохи Просвещения, включая классический анархизм. «Подобно марксизму и большинству других форм радикального мышления девятнадцатого века, классический анархизм преследует цель освобождения определённой аутентичной человеческой сущности, которая якобы подавлена капитализмом и/или государством» (Call, 2002: 14–15). Несмотря на то, что это может расширить сферу охвата власти, классические анархисты всё же воспринимают субъективность как данность и власть как репрессивную: подобно марксизму, утверждают постанархисты, классический анархизм устанавливает концепцию человеческой природы, которая действует как стандарт, с помощью которого можно критиковать формы власти и объясняет существование сопротивления власти. В классическом анархизме (как утверждается) отношение между субъектом и властью формулируется как противостояние двух полюсов, с естественностью человеческого субъекта в органическом сообществе с одной стороны и искусственной властью государства с другой. Согласно постанархистам, таким образом, постструктурализм выходит за рамки как марксизма, так и классического анархизма. Но классический анархизм, из-за того, что он хотя бы начинает переосмысливать власть — расширяя рамки анализа за пределы государства и экономики — сохраняет свою современную актуальность, а марксизм — нет. Общий «антиавторитарный дух» (Newman, 2007: 194) делает классический анархизм и постструктурализм подходящими партнерами, в то время как марксизм отвергается как несовместимый с постструктурализмом. Действительно, утверждается, что в значительной степени постструктурализм развивался *против* марксизма: «мыслители в этой традиции — включая Фуко, Лиотара и Делёза — все находились под сильным влиянием политического опыта мая 1968 года, и они стали критически относиться к тому, что они воспринимали как тотализирующую и универсализирующую логику марксистской теории» (Newman, 2007: 3). В то время как анархизму еще есть чему научить нас, марксизм «даже близко не достаточно радикален, чтобы удовлетворительно противостоять крайностям состояния постмодерна» (Call, 2002: 6). Таким образом, оппозиция марксизму дает постанархизму точку контакта с постструктурализмом. Верно, что это изображение постструктурализма как антимарксистской теории часто является подразумеваемым или неразвитым допущением в постанархистских работах — но это, возможно, потому, что текстовых подтверждений этому утверждению немного: как мы увидим дальше, если действительно посмотреть на то, что постструктуралисты говорят о Марксе, то можно будет заметить, что они очень далеки от того, чтобы быть антимарксистскими.

Постструктурализм и марксизм

Таким образом, критика марксизма играет ключевую функцию в постанархизме: она предоставляет согласованность всего проекта, обеспечивает последовательность с классическим анархизмом и помогает связать постанархизм с постструктурализмом. Учитывая это, заметно, как мало внимания уделялось постанархистской критике марксизма. Причиной этого недостатка внимания, я думаю, является то, что хотя пост-анархистская мысль произвела немало оживлённой дискуссии, эта дискуссия до сих пор в значительной степени ограничивалась анархистским сообществом. Анархист вряд ли подвергнет сомнению критику марксизма постанархизмом, потому что — как мы видели — эта критика во многом перекликается со стандартными анархистскими претензиями к марксизму. Обвинения в редукционизме и авторитаризме, которые постанархизм выдвигает марксизму, фактически совпадают с обвинениями марксизма анархистами девятнадцатого века: они давно воспринимаются как очевидные истины в анархистском сообществе и поэтому не нуждаются в дальнейшем обсуждении. Но что насчёт добавочных обвинений, выдвинутых постанархизмом против марксизма? Они дополняют стандартную анархистскую критику марксизма критикой марксистского просвещенческого эссециализма. Нельзя утверждать, что анархисты молчат о них, потому что они просто воспроизводят классическую анархистскую критику марксизма. Почему тогда было сделано так мало комментариев? Ответ ясен: потому что когда вводятся эти обвинения в эссециализме, условия спора кардинально меняются, так как они в равной степени применимы к классическому анархизму. Более того, можно сказать, что они направлены главным образом постанархистами в сторону классического анархизма и в некотором смысле лишь вторично относятся к марксизму (который уже был забракован по отдельным причинам). Поэтому комментаторы-анархисты были гораздо более заинтересованы в применении и релевантности этой критики эссециализма к анархизму — отчасти потому, что у них нет интересов защищать марксизм от обвинений в эссециализме и есть полный интерес защищать анархизм, а отчасти потому, что эти обвинения направлены самими постанархистами преимущественно в сторону анархизма. В результате критическое обсуждение постанархизма до сих пор было сосредоточено на его понимании и интерпретации классического анархизма. Ряд комментаторов утверждают, что анархистскую традицию представили несправедливо и обманчиво: анархизм, как утверждается, является гораздо более разнообразной традицией, чем утверждают постанархисты, и гораздо менее привержен эссециалистской и гуманистической философии. Это привело к тому, что некоторые пришли к выводу, что анархизм уже имеет больше общего с постструктурализмом, чем было признано, и даже что постструктурализму, возможно, есть чему научиться у анархизма. [Заметка 3: Для аргументов такого типа см. Cohn (2002), Cohn and Wilbur (n.d.), Antliff (2007). Для критических оценок постанархизма с позиции, более близкой по духу постструктур-

риализму, см. Jun (2007), Glavin (2004)]. Однако, за очень немногими исключениями, о представлении постанархизма о марксизме ничего не говорится. [Заметка 4: Одно из таких исключений — Бенджамин Фрэнкс (2007), который при рассмотрении некоторых распространенных анархистских критик постанархизма также предлагает краткую защиту Маркса и классовой политики]. И всё же, даже если это пренебрежение понятно, оно также неудачно. В свете анализа, предложенного выше, можно сказать, что эффект является тройным: оно стирает то, что является ключевым элементом постанархизма; оно позволяет своей критике марксизма оставаться без оспаривания; и оно неправильно характеризует постструктурализм. Я уже пытался противостоять первому из них, демонстрируя место марксизма в постанархизме. Осталось оспорить оставшиеся два эффекта. Я начну эту задачу с краткого рассмотрения места марксизма в постструктурализме, прежде чем более подробно рассмотреть работу самого Маркса.

Одна из причин того, почему мы можем относиться с подозрением к согласованию анархизма и постструктурализма за счёт марксизма, состоит в том, что даже самый поверхностный взгляд на работу основных мыслителей постструктурализма говорит о том, что они гораздо больше связаны с марксистской традицией, чем с анархистской традицией. Трудно найти какие-либо ссылки на классических анархистских мыслителей где-либо в трудах постструктуральных авторов. Там, где упоминаются классические анархисты, ссылки обычно не благосклонны. Например, в своей книге «*Ницше и философия*» Делёз выражает скромную похвалу Максу Штирнеру. Но в конечном счёте Делёз приходит к выводу, что Штирнер — мыслитель, раскрывающий нигилизм в основе диалектического мышления. Учитывая, что диалектика является центральной мишенью «*Ницше и философии*», это вряд ли сводится к поддержке позиции Штирнера: «именно потому, что Штирнер все мыслит ещё как диалектик, поскольку он не уходит от таких категорий, как собственность, отчуждение и его устранение, он сам попадает в яму небытия, которую роет у подножия диалектики» (Deleuze, 1983: 163). [Заметка 5: Выводы Делёза резко контрастируют с попытками постанархистов переутвердить Штирнера как предшественника постструктурализма: см. Koch (1997), Newman (2001, chapter 3; 2005, chapter 4). Верно, что в «*Ницше и философии*» Делез несколько двусмыслен относительно отношения Маркса к диалектике — но его использование Маркса в другом месте, несомненно, демонстрирует, что он находит что-то помимо диалектики в Марксе]. Штирнер также появляется в «*Призраках Маркса*» Деррида. В тонком и интригующем анализе Деррида утверждает, что Штирнер и Маркс объединены общей полемикой против «призрака» (фигура, использованная Деррида для обозначения того, что нельзя учесть в классической онтологии). Деррида деконструирует и Штирнера, и Маркса, пытаясь показать, что оба остаются преданными метафизической онтологии. Но в центре этого анализа — который, в конце концов, находится в книге о Марксе — лежит критика Штирнера в «*Немецкой идеологии*»: Штирнер обсуждается только в той степени, в которой он может пролить свет на Маркса. Мы бы нашли практически то же самое, если бы посмотрели на труды других постструктуралистов: классические анархистские мыслители появляются лишь вскользь; безусловно, нет никакого постоянного взаимодействия с анархистской традицией.

Здесь есть два возможных ожидаемых возражения. Во-первых, можно утверждать, что отсутствие ссылок на классических анархистских мыслителей в постструктуралистской мысли не делает недействительной постанархистскую попытку связать классический анархизм и постструктурализм: постанархистам не нужно утверждать, что постструктурализм напрямую испытал влияние классического анархизма — только то, что между ними может быть сформирован потенциальный союз на основе теоретической близости, а не прямого цитирования. Я принимаю этот аргумент, но в некотором смысле он не имеет отношения к моему собственному тезису: я не утверждаю, что попытка связать постструктурализм с классическим анархизмом ошибочна — скорее, что ошибочно пытаться преследовать эту связь за счет марксизма. Если стоит исследовать связи между классическим анархизмом и постструктурализмом, несмотря на то, что явных связей ещё нет — поскольку постструктуралисты мало что могут сказать о классическом анархизме — тогда мне кажется, что, безусловно, стоит исследовать потенциальные связи между марксизмом и постструктурализмом — в точности потому, что постструктуралистам есть что сказать о Марксе. Однако это приводит нас ко второму потенциальному ответу. Можно утверждать, что присутствие Маркса в постструктуралистских трудах, отнюдь не указывающее на лояльность Марксу среди постструктуралистских мыслителей, свидетельствует только о критическом отношении: Маркс цитируется только для того, чтобы отвергнуть его. Этот аргумент имеет некоторую обоснованность. Ясно, что постструктурализм во многом развивался в оппозиции к марксизму. Частично это было ответом на конкретную политическую ситуацию. Французская коммунистическая партия имела в лучшем случае смешанную политическую деятельность: жестко промосковская, она оказывала квалифицированную поддержку французскому империализму в Азии и Африке и не поддержала восстания рабочих и студентов в мае 1968 года. В попытке сформулировать новые формы теории и практики, постструктуралистские мыслители сознательно стремились дистанцироваться от институциональных форм марксизма, существовавших во Франции в середине двадцатого века. Более того, это дистанцирование было результатом не только pragматических политических необходимостей: очевидно, что существовали существенные теоретические причины для отхода от марксизма. Постструктуралистская субверсия редукционистских, телеологических и диалектических форм мышления неизбежно включала субверсию некоторых вариантов марксизма, не в последнюю очередь версию, предложенную ФКП.

Но несмотря на то, что постструктурализм развился в оппозиции к определенным формам марксизма, эту оппозицию не следует путать с полным отказом от всех марксизмов, тем более от самого Маркса. Опять же, даже беглый взгляд на работы основных мыслителей постструктурализма укажет, насколько они далеки от отказа от Маркса. Хорошо известно, что последняя (незаконченная) книга Делеза должна была быть о «Величии Маркса» (Deleuze, 1995: 51), а два тома «Капитализма и шизофрении», написанные им в соавторстве с Феликсом Гваттари, насыщены марксистскими концепциями. В «Призраках Маркса» Деррида не перестает подтверждать современную актуальность Маркса; что-то большее, чем простое признание глубокого влияния Маркса на настоящее, Деррида призывает к *политическому* Марксу «для предотвращения преобладания философско-филологического возвращения к

Марксу» (Derrida, 1994: 32). *[Заметка 6: Преуспел ли Деррида в своей цели, или же он сам лишь воспроизводит «философско-филологического» Маркса – отдельная проблема: суть в том, что, явно не отвергая Маркса, Деррида прямо подтверждает его современную политическую и философскую релевантность].* Даже Фуко, который часто, кажется, изо всех сил старается принизить марксизм, осторожно подчёркивает, что, хотя большая часть его работ подрывает традиционные марксистские концепции, он все же продолжает опираться на самого Маркса: «Я цитирую Маркса, не говоря об этом, без кавычек, и из-за того, что люди не могут узнать тексты Маркса, я считаюсь тем, кто не цитирует Маркса» (Foucault, 1980: 52). Эти краткие выдержки, конечно, не могут заменить подробный анализ места марксизма в постструктурализме, что выходит за рамки данной работы. Но они начинают усложнять постсторхистское повествование. Однако вместо того, чтобы пытаться несомненно установить, что все постструктуралсты обязаны Марксу, я хочу подумать о том, что постструктурализм мог увидеть в Марксе. Для этого мы будем опираться на собственную постсторхистскую характеристику постструктурализма и исследовать взгляды Маркса на власть и субъективность. Мы сосредоточимся на Марксе не потому, что он является краеугольным камнем «истинной» марксистской теории, а потому, что он – самый инновационный и важный мыслитель в марксизме.

Власть и субъективность в марксизме

Как правильно утверждают постанархисты, постструктурализм выдвигает принципиально новый способ понимания власти. По-видимому, есть два ключевых элемента постструктуральной реконцептуализации власти. Во-первых, вместо того, чтобы исходить из единого центрального источника (такого как государство или буржуазия), власть повсюду, потому что мы все вовлечены в отношения власти. Это означает, что властные отношения должны анализироваться во всей их специфичности, на локальном уровне и без обращения к гомогенной модели. Во-вторых, вместо того, чтобы подавлять определённую сущность, власть конституирует тот самый субъект, к которому она применяется. В своих поисках предшественников постструктурализма в рамках классической анархистской традиции постанархисты, как правило, концентрировались на первом из этих элементов: хотя классические анархисты рассматривали власть как репрессивную, а не конституирующую, они, тем не менее, добились значительных успехов в ослаблении идеи о том, что власть возникает из одного источника. Постанархисты признают, что в классической анархистской мысли существует тенденция сосредотачиваться на государстве как на центре власти. Но прежде всего это рассматривается как наступление на марксизм, поскольку это демаскирует политическую власть саму по себе, а не подчиняет её экономике. Кроме того, эта тенденция не согласовывается с признанием среди классических анархистов того, что существует множество мест власти (клерикальные, образовательные, семейные и т.д.), которые необходимо критиковать на их собственных условиях. Именно в этом свете марксистская теория власти рассматривается постанархизмом: марксизм оценивается по тому, в какой степени он может следовать за признанием классическим анархизмом децентрализованного и автономного характера политической власти. Для Мэя история марксизма в двадцатом веке — это история потока мыслей, которые предлагали все более утончённые оценки власти, но в конечном итоге не могли избежать своих собственных редукционистских предпосылок. Таким образом, «марксизм, имея дело с последовательными разочарованиями, продолжал переформулировать себя таким образом, чтобы он всё сильнее приближался — но никогда не полностью совпадал — к перспективе анархизма» (May, 1994: 18). Ньюман, с другой стороны, видит в самой работе Маркса потенциал для нередукционистской оценки власти: в «Восемнадцатом Брюмера» можно найти начало теории специфичности политической власти, не сводимой к экономическим факторам. Однако, как и Мэй, Ньюман предполагает, что марксизм оставался привязанным к своим собственным пределам: «в теории бонапартизма [Маркса] заложены теоретические основания «эпистемологического разрыва» с самим марксизмом». Другими словами, сам марксизм никогда не мог полностью реализовать свой собственный концептуальный потенциал: именно классический анархизм «привел теорию бонапартизма к своему логическому завершению и смог развить концепцию

суверенного государства как специфичного и автономного места власти, не сводимого к капиталистическим экономическим отношениям» (Newman, 2004: 37). Таким образом, согласно постанархизму, классический анархизм, так сказать, находится на полпути между марксизмом и постструктурализмом: он расширяет и углубляет анализ власти за пределы того, на что способен марксизм, но он еще не достигает понимания власти, развитого постструктурализмом.

Этот постанархистский анализ не является полностью неверным: с постструктуральной точки зрения в марксистской концепции власти явно существует ряд недостатков. В марксистской теории под «властью» чаще всего понимается свойство, которое используется одним классом для угнетения другого класса: при капитализме власть принадлежит буржуазии и репрессивно осуществляется через государство. Неудивительно, что Фуко, например, осуждает «экономизм» марксистского взгляда на власть: кажется, что в марксизме власть никогда не анализируется сама по себе, а только в той степени, в которой она поддерживает экономические отношения господства (Foucault, 1980: 88). Но картина более сложная, поскольку в работах Маркса можно найти аналитику власти, гораздо более близкую к постструктурализму. Как и постанархисты, Маркс считает, что классические анархисты слишком сильно сосредоточены на государстве. В то время как для постанархизма этот упор на государство пренебрегает другими формами власти в обществе, для Маркса он пренебрегает экономическими условиями (он ругает за эту ошибку Бакунина, например [Marx, 1989: 506]). Но, выделяя экономические условия над государством, Маркс не сводит политическую власть к экономике, делая ход, эквивалентный тенденции классического анархизма сводить политическую власть к государству. Ход Маркса совершенно иной: он расширяет сферу политической власти, политизируя сферы жизни, которые ранее считались аполитичными. Классические политэкономисты рассматривали рынок как аполитичное царство природной гармонии, противоположное искусственности государства — позиция, похожая на разграничение, сделанное классическим анархизмом между естественным строем общества и искусственным строем государства. Маркс, напротив, демонстрирует, что предположительно нейтральные области производства, распределения и обмена пронизаны отношениями господства, тем самым одновременно расширяя анализ власти в области, которые до сих пор считались вне политики, и подрывая наивное разграничение между естественностью и искусственностью. Таким образом, можно сказать, что Маркс, а не классический анархизм, является предвестником постструктурализма. Однако есть еще одна манера, в которой Маркс, по-видимому, предвосхищает постструктуралистский взгляд на власть. Утверждая, что классический анархизм ближе, чем марксизм, к постструктуральному взгляду на власть, постанархисты сосредотачивают внимание на одном элементе этого взгляда на власть: идее, что власть везде, а не ограничена одним местом. Но самым новаторским аспектом постструктуралистского взгляда на власть является второй элемент, определенный выше, а именно идея, что власть является конституирующей, и именно здесь марксизм предвосхищает постструктурализм. Поскольку Маркс не просто расширяет сферу власти, он инициирует переосмысление самой «власти». Чтобы правильно оценить эту концептуальную революцию, нам нужно теперь обратиться к другой особенности постструктурализма, выделенной постанархизмом: его децентрализации субъективности.

Так же, как Маркс во многих отношениях остается привязанным к традиционному представлению о власти, так и во многих отношениях он остается привязанным к традиционному взгляду на субъективность. Это нигде не проявляется с такой очевидностью, как в ранних работах Маркса, в которых существует отчужденная человеческая природа, требующая освобождения: нет никаких сомнений в том, что такие работы, как «Экономико-философские рукописи», действуют в рамках гуманистической проблематики. Однако независимо от того, согласны ли мы с постулатом Альтюссера об «эпистемологическом разрыве» в работе Маркса, ясно, что примерно с 1845 года в работе Маркса произошел сдвиг: по крайней мере, после 1845 года мы можем найти в работе Маркса средства для альтернативного прочтения — возможность Маркса, не привязанного к гуманизму. Уже в «Тезисах о Фейербахе» «человеческая сущность» вытесняется в «комплекс социальных отношений» (Marx, 1976b: 4): человеческой сущности фактически не существует, потому что то, что было воспринято как неотъемлемое, показано Марксом как изменчивое и исторически обусловленное. Однако Маркс идет дальше этого. Ньюман (2001: 14) правильно утверждает, что один из способов отличить постструктурализм от структурализма состоит в том, что, в то время как последний растворяет субъект в предопределяющую структуру, для первого субъект *конституируется*, а не просто растворяется или предопределяется. Это в точности то, что также демонстрирует Маркс: субъект для Маркса — не пустой, смещающийся центр сети социальных отношений; субъект для Маркса *производится*. Чтобы оценить этот аспект работы Маркса, нам следует обратиться не к «Восемнадцатому Брюмеру» или другим работам, обычно обозначаемым как «политические труды», а к той самой книге, которую так часто называют «экономистической», а именно к первому тому «Капитала».

Большая часть этой книги посвящена конкретному анализу работы капитализма внутри производства и крупной промышленности — тому, что на самом деле происходит в цехах и фабриках. Основное внимание в этом анализе уделяется тому, как капитализм создает именно те субъекты, которые ему нужны для работы: капитализм, как он изображен в «Капитале», не подавляет данную сущность (такую как способность человека к творческому труду), но должен конституировать субъекты, над которымими осуществляется его власть. Одной из неотъемлемых предпосылок капитализма является масса, не владеющая собственностью, которой нечего продавать, кроме своей рабочей силы. В последней части «Капитала», посвященной первоначальному накоплению, подробно описываются различные способы того, как такая масса потенциальных рабочих была произведена: огораживание земли, конфискация церковных владений, расчистка Северо-Шотландского нагорья и так далее. Но этой экспроприации самой по себе было недостаточно, потому что сначала она просто создавала массы «нищих, грабителей и бродяг» (Marx, 1976a: 896). Эти массы затем нужно было *дисциплинировать*, чтобы использовать в качестве наемных работников. В разделе Маркса о примитивном накоплении излагаются «гротескно террористические законы» (Marx, 1976a: 899), которые были изначально необходимы для того, чтобы принудить экспроприированных к наемному труду, не давая им зарабатывать на жизнь попрошайничеством или мелкими кражами и тем самым оставляя их без выбора, кроме как продавать свою рабочую силу. Но как только капиталистический способ производства устанавливается, возникает

необходимость в другой дисциплине - «казарменной дисциплине» (Marx, 1976a: 549) фабрики. Недостаточно того, что в силу экономических обстоятельств proletariat вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту: рабочий должен определенным образом формироваться и определяться, чтобы развился «рабочий класс, который благодаря образованию, традициям и привычкам смотрит на требования этого способа производства как на самоочевидные естественные законы» (Marx, 1976a: 899). Более того, по мере развития капитализма типаж требуемого субъекта продолжает меняться. На ранних стадиях капитализма существует только то, что Маркс называет «формальным подчинением», при котором капиталистический производственный процесс «захватывает существующий трудовой процесс, развитый другими и более архаичными способами производства» (Marx, 1976a: 1021). Только позже мы приходим к тому, что Маркс называет «реальным подчинением»: «теперь возникает технологически и иначе *специфический способ производства — капиталистическое производство*, — которое преобразовывает природу *трудового процесса и его настоящие условия*» (Marx, 1976a: 1034–5). Под реальным подчинением подразумевается не только увеличение использования постоянно растущего ассортимента и количества машин, но и развитие другого типа рабочего. Целью для капиталиста не может быть подавление естественной сущности или даже просто приспособление рабочего к требованиям и ритмам, диктуемым машиной, — скорее, в некотором смысле, создание нового субъекта как из рабочего, так и из машины, *приумножая* мощность и возможности рабочего, а не подавляя их.

Использование дисциплинарной власти для создания субъекта с приумноженными возможностями: описание, которое, конечно, может относиться как к Фуко, так и к Марксу. Поэтому неудивительно, что Фуко явно и неоднократно цитирует «Капитал. Том 1» в «Надзирать и наказывать» и что некоторые отрывки в обеих книгах практически взаимозаменяемы. [Заметка 7: Ссылки Фуко на Маркса в «Надзирать и наказывать» см. в Foucault (1977: 163–4, 175, 221)]. Вопреки утверждениям постанархистов, мы находим в Марксе нечто очень похожее на то, что мы находим в постструктурализме: не репрессивную власть, отрицающую существенную человеческую природу — как мы видим в классическом анархизме, — но власть, действующую, порождая различные позиции субъекта. Это не означает, что Маркс является своего родаproto-постструктуралистом или что постструктуралисты на самом деле были замаскированными марксистами: ключевые различия остаются. Ньюман (2001: 14) предполагает, что постструктурализм можно отличить от структурализма не только тем, что первый рассматривает субъект как конструируемый и не предопределённый, но и потому, что «для постструктуралистов силы, конституирующие субъект, не формируют центральную структуру — как, например, капитализм, — но остаются децентрализованными и рассеянными». Это утверждение нельзя так легко приспособить к Марксу, который анализирует конституирование субъективности не только внутри капитализма, но, что ещё уже, прежде всего внутри фабрики. Действительно, децентрализованная и рассеянная природа власти лучше улавливается классическим анархизмом. Но это только подкрепляет мой центральный тезис: современная политика, основанная на постструктурализме, будет наиболее сильной, если она будет опираться как на марксизм, так и на анархизм.

Выводы

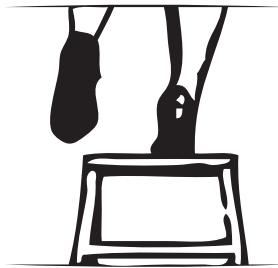
Я утверждал, что пренебрежение постанархистским отношением к марксизму наносит ущерб, поскольку оно игнорирует ключевую роль, которую марксизм играет в постанархизме, и потому, что оно закрепляет неправильные понимания как постструктурализма (характеризуемого как антимарксистский), так и марксизма (характеризуемого как опасный анахронизм). Чтобы противостоять этому ущербу, я стремился к тому, чтобы разъяснить место марксизма в постанархизме и показать, что если искать предшественников или напарников постструктурализма, то марксизм — столь же приемлемый кандидат, как и классический анархизм. Это не следует воспринимать как марксистскую попытку колонизировать другие области мышления — возможность, которой некоторые постанархисты явно боятся: «Подобно тому, как он полностью затмил анархизм во время борьбы за контроль над Первым Интернационалом в девятнадцатом веке, марксизм теперь пытается затмить и постмодернизм» (Call, 2002: 7). Моя цель не состояла в том, чтобы просто перевернуть постанархистскую позицию, показывая, что именно марксизм ныне актуален, а анархизм необходимо осудить как анахронизм. Вместо этого я попытался показать, что марксизм заслуживает быть выслушанным наравне с анархизмом. Это не некритическое одобрение марксизма, в котором мы принимаем его таким, какой он есть, и используем его идеи в том виде, в каком они есть. Напротив, точно так же, как постанархисты утверждают, что постструктурализм может предложить новое прочтение анархизма, так и следует надеяться, что марксизм может быть преобразован столкновением с постструктурализмом. Это обязательно будет означать, что многие элементы марксизма будут отброшены, пока мы выбираем из марксистской традиции. Но это не должно быть проблемой; в конце концов, этот избирательный подход является именно тем подходом, который сами постанархисты применяют к классическому анархизму: отвергая остаточный эсценциализм в классическом анархизме, постанархизм тем не менее находит многое другое, что ценно в этой традиции. Более того, этот подход хорошо подходит постструктурализму. Когда постструктуралисты читают Маркса — или любого другого мыслителя, если на то пошло, — они не рассматривают его как однородное целое, которое должно быть принято или отвергнуто целиком, а как разнородный ресурс, который может использоваться по-разному: как говорит Деррида (1994: 91–2), любое прочтение Маркса должно быть «активной интерпретацией», «критическим, избирательным и фильтрующим подтверждением». В своем прямолинейном пренебрежительном отношении к марксизму постанархизм рискует нарушить дух постструктурализма. Более того, он рискует поставить себя в довольно странное положение, в котором он ценит классический анархизм, несмотря на неспособность классического анархизма признать производительность власти и децентрализацию субъективности, одновременно отвергая марксизм, хотя марксизм признаёт эти вещи. Сами причины, которые приводят постанархисты для

нужды в дополнении классического анархизма, на самом деле являются вескими причинами обращения к марксизму.

В итоге я не думаю, что моя защита марксизма несовместима с постанархизмом. В конце своего критического обзора истории марксизма Мэй (1994: 44) заявляет: «[...] возможно, что в марксизме существуют пока ещё неизведанные пути, которые могли бы принести больше пользы, чем исследованные». Несмотря на свои собственные намерения, возможно, что постанархизм сможет помочь нам найти эти пути.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Саймон Чоат

Постанархизм с марксистской перспективы

15.04.2020

<https://vk.com/@-194022101-postanarchism-from-a-marxist-perspective>

ru.anarchistlibraries.net